

Дочь имперского вора: Тень короны

Сергей Патрушев

Сергей Патрушев

**Дочь имперского
вора: Тень короны**

«Автор»

2026

Патрушев С.

Дочь имперского вора: Тень короны / С. Патрушев — «Автор», 2026

Аскалон - империя, расколота надвое. Наверху, в золотых залах Дворца, принцессу Изабель готовят к браку с жестоким северным принцем. Внизу, в вечном мраке трущоб, семнадцатилетняя Киара скользит по крышам невидимкой, взламывая магические замки одним касанием. Она дочь легендарного Имперского Вора по прозвищу Шёпот, казнённого десять лет назад. Когда умирающий связной отца передаёт Киаре «Слезу Василиска», ключ к запретной магии, способной стереть город с лица земли, охота начинается. Империя бросит на поиски артефакта элитных Ищеек и боевых магов, но истинная тайна «Слезы» окажется страшнее: она связана с похищением наследницы престола, совершённым Шёпотом семнадцать лет назад. Две девушки, не знающие о существовании друг друга, скоро узнают, что они сёстры-близнецы, разделённые ложью, кровью и магией. Принцесса и воровка. Свет и тень. Им придётся объединиться, чтобы украсть корону у того, кто украл у них всё.

© Патрушев С., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Крысиный король	5
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Сергей Патрушев

Дочь имперского вора: Тень короны

Глава 1. Крысиный король

Дождь не падал на Дно. Он никогда не падал по-настоящему. Наверху, в Верхнем городе, который его обитатели с презрительным высокомерием называли просто Аскалоном, вода обрушивалась с небес сплошной серебряной стеной, омывая шпили дворцов и заставляя светиться витражи Имперского Собора. Там дождь был чистым, почти священным — сама природа благословляла правящую династию. Но здесь, в лабиринте труб, подпорок и гниющих балок, которые поддерживали брюхо великого города, дождь превращался в нечто иное. Он не падал. Он сочился.

Влага просачивалась сквозь многовековые слои камня, смешиваясь с сажей из тысяч печных труб, с маслянистыми отходами алхимических лабораторий, с кровью, пролитой в бесчисленных драках, и с тем, что оставляли после себя миллионы крыс. Она собиралась в свинцовые капли на ржавых водостоках, висела маслянистой взвесью в воздухе, оседала на языке металлическим привкусом, от которого першило в горле. Эта испарина огромного каменного организма по имени Аскалон была густой, жирной и почти живой. Она проникала повсюду — в одежду, в волосы, в легкие, в самые потаенные мысли. Старожилы Дна говорили, что если долго дышать этим туманом, начинаешь слышать, как город шепчет тебе свои секреты. Правда, те же старожилы редко доживали до седых волос, так что проверить их теорию было затруднительно.

Киара висела на высоте сорока футов, распластавшись тонким, почти невесомым телом по холодному металлу опорной балки старой канализационной развилки. Балка была скользкой от конденсата, покрытой пушистым налетом ржавчины и птичьего помета — даже сюда, в подземелье, каким-то чудом залетали голуби, хотя никто не мог объяснить, чем они здесь питаются. Снизу, из лабиринта кривых улочек и нагромождений хибар, слепленных из чего попало — досок, листового железа, обрывков магических гобеленов, выброшенных аристократами за ненужностью, — доносились крики. Имперская Стража проводила очередную зачистку.

Она замерла, стараясь даже дышать через раз, чувствуя, как холод просачивается сквозь тонкую подошву кожаных сапог — единственной роскоши, которую она себе позволяла, потому что хорошая обувь для вора важнее, чем хороший нож. Сапоги были сшиты на заказ из шкуры теневой ящерицы, материала гибкого, как шелк, и бесшумного, как сама смерть. Стоили они целое состояние, и Киара до сих пор помнила лицо сапожника, старого горбуна с улицы Кожевников, когда она отсчитала ему монеты, заработанные тремя месяцами опаснейших заказов. Впрочем, оно того стоило. В этих сапогах она могла пройти по битому стеклу в двух шагах от спящего стражника, и тот бы даже не пошевелился.

С такого ракурса факелы внизу казались стайей блуждающих светлячков, рассыпавшихся по грязному лабиринту. Они двигались хаотично, но в их хаосе чувствовалась система — паттерн поиска, который Киара изучила еще в детстве. Сначала — рассеивание, потом — сужение круга, затем — удар в одну точку. Классическая тактика «захлопывающейся ловушки». Рэйвен — здесь, на Дне, она носила это имя, имя-маску, имя-клинок — наблюдала с холодным, почти

отстраненным интересом. Она не пряталась в тени, как обычный вор, дрожащий от страха. Она сама становилась тенью. Это не был магический трюк, доступный богатым аристократам с их амулетами отвода глаз, которые стоят больше, чем вся эта дыра вместе с ее обитателями. Нет, ее искусство было иным. Более древним. Более честным. Искусство, вьевшееся в мышцы раньше, чем она научилась ходить, раньше, чем выучила первые слова, раньше, чем поняла, кто она такая. Отец начал учить ее, когда ей было три года. «Тень — это не отсутствие света, Киара, — говорил он, и его голос, низкий, успокаивающий, до сих пор звучал в ее памяти, словно отголосок далекого колокола. — Тень — это присутствие тьмы. Научись дружить с тьмой, и она укроет тебя от любого взгляда».

Стражники двигались грубо, с той особой, тупой уверенностью, которую дает человеку форма и осознание собственной безнаказанности. Они ломали хлипкие двери, даже не проверяя, заперты ли те — просто выбивали ударом тяжелого сабатона, превращая в щепки то, что служило кому-то домом. Переворачивали тележки уличных торговцев, и по грязным камням мостовой рассыпались сушеные грибы, крысиные шкурки, дешевые амулеты на удачу и прочий нехитрый скарб, из которого состояла экономика Дна. Крики, плач, звон металла — все это сливалось в привычную какофонию, своеобразную симфонию безнадежности.

Их было слишком много. Киара прищурилась, пытаясь сосчитать точное количество точек света, но их перемещение было слишком беспорядочным. Не меньше трех десятков, возможно — больше. Это не просто проверка. Даже для показательной порки пары нелегальных торговцев или для конфискации дешевого наркотика, который здесь называли «дурман-пыль», не высылают столько людей. «Дурман-пыль» вообще была проблемой, на которую Империя смотрела сквозь пальцы — дышащие этой дрянью обитатели Дна были тихими и покладистыми, они не устраивали восстаний, не требовали права голоса, они просто медленно умирали, освобождая место для следующих. Идеальная модель управления для любого тирана. Но сейчас здесь явно искали что-то конкретное. Или кого-то.

Прямо под ней, в узкой расщелине между покосившимися домами, которые, казалось, держались только благодаря взаимной ненависти и многолетним наслоениям грязи, возникла короткая, жестокая сцена. Двое громил в тяжелых доспехах с гербом Аскалонского Грифона на наплечниках — мифическая тварь с телом льва и головой орла, символ имперской власти, — прижали к облупившейся кирпичной стене тощего мужчину в рваном плаще. Мужчина был настолько худ, что, казалось, его кости вот-вот прорвут пергаментную кожу. Он даже не кричал. Кричат те, у кого еще осталась надежда. Этот просто мелко трясся, словно лист на ветру, пока капитан стражи, высокий офицер с неестественно длинной, по-змеиному гибкой шеей, что-то тихо и вкрадчиво ему говорил. Киара не слышала слов — расстояние было слишком велико, да и вечный гул подземных рек искажал звуки, превращая их в неразборчивый шум. Но она видела движение губ офицера, и этого было достаточно. Она умела читать по губам с семи лет — отец настоял на этом навыке, считая его одним из важнейших в арсенале шпиона. «Уши тебе отрежут, глаза выколют, но если ты останешься жива, ты должна уметь понимать врага, даже когда он стоит к тебе спиной и молчит», — говорил он.

«Где он?» — спрашивал офицер, и в его беззвучном шепоте было что-то более страшное, чем в самом громком крике. Спокойствие. Холодное, расчетливое спокойствие человека, который знает, что получит ответ. Вопрос был задан не один раз. Он повторялся с методичностью капающей воды — «Где он? Где он? Где он?» — пока не превратился в издевательскую мантру.

Офицер ждал ответа терпеливо, как паук, наблюдающий за бьющейся в паутине мухой. Но мужчина в рваном плаще, этот жалкий обитатель Дна, у которого, казалось, не было ничего — ни денег, ни здоровья, ни будущего, — лишь мотал головой, и в этом движении было нечто, похожее на достоинство. Глупое, бессмысленное достоинство, которое удивляло и вызывало невольное уважение. Последовал удар. Быстрый, жестокий, профессиональный — не размашистый замах дилетанта, а короткий тычок стальным налокотником, который рассек бровь до кости. Голова бедняги мотнулась в сторону, как сломанная кукла, и из раны хлынула кровь, густая, почти черная в тусклом свете факелов. Киара поморщилась, но не от самого удара — за свою жизнь она видела и похуже. Ее поморщила глупость стражников. Их патологическая неспособность понять психологию тех, кого они преследовали. На Дне так не допрашивают. Здесь боль — это разменная монета, валюта, которую тратят каждый день. Ребенок, родившийся в этих трущобах, к десяти годам испытывает больше физических страданий, чем аристократ за всю свою жизнь. Человек, живущий в этих катакомбах, готов принять смерть за пару медяков, готов улыбаться палачу, потому что завтра все равно не наступит. И никакая грубая сила не развяжет ему язык.

Она уже собиралась скользнуть дальше, к переходу в нижний ярус, где находилась ее цель — лавка старьевщика, когда взгляд офицера внезапно метнулся вверх. Это движение было резким, неестественным, словно кто-то дернул его голову за невидимую нить. Киара застыла, вжавшись в балку с такой силой, что заныли ребра, а острый край металла впился в бедро. Она задержала дыхание, чувствуя, как сердце колотится где-то в горле, гулкое и предательски громкое. Взгляд длинношеего скользнул по ржавому металлу, по темным потекам, по клочьям паутины. На секунду он задержался на конденсате, капающем сверху — обычная вода, ничего особенного, — и ушел в сторону. Уровень восприятия — ноль. Пустышка. Но мурашки все равно пробежали по спине, холодные и липкие, как лапки насекомого.

Дело было не в самом офицере. От его взгляда веяло не просто человеческим вниманием. В нем чувствовался отголосок поискового заклинания, того самого, которое adeпты Имперской Академии называли «Оком Возмездия», а обитатели Дна — «нюхачом». Это было мерзкое, липкое ощущение, словно кто-то проводил по твоей коже мокрой рыбой, заглядывая под одежду, под кожу, в самую душу. Значит, среди них есть маг. Ищейка. И это осложняло дело. Обычных стражников можно обмануть, обвести вокруг пальца, отвлечь шумом. Но ищейка — это совсем другой уровень. Ищейки чувствуют магию, чувствуют страх, чувствуют само намерение. Говорят, что они способны уловить даже учащенное сердцебиение, если оно вызвано чувством вины. Впрочем, это, скорее всего, были просто страшилки. Но проверять на практике не хотелось.

Киара медленно, очень медленно выдохнула, позволяя теплому воздуху смешаться с холодным туманом. Пар ее дыхания был единственным, что могло ее выдать, но она давно научилась дышать так, чтобы пар рассеивался мгновенно. Пора уходить. Сегодня она спустилась в нижние ярусы не ради праздного любопытства и не ради того, чтобы пощекотать нервы, наблюдая за облавами. У нее была работа. Конкретная, оплаченная на треть вперед работа, от которой зависела ее репутация и ее кошелек в ближайшие недели. Ей нужно было попасть в Архив Пыльных Книг — громкое название для вонючей лавки старьевщика по имени Орфей, — чтобы забрать пакет старых карт водостоков. Карты, на которых были отмечены давно забытые ходы, построенные еще до основания Аскалона, когда на этом месте стояли руины какой-то более древней цивилизации.

Зачем они ей? Это был заказ. Обычная работа, одна из многих. Клиент, представившийся вымышленным именем и заплативший золотом — настоящим, имперским, с профилем импе-

ратора, а не стертыми медяками Дна, — хотел попасть в старый склеп под Храмовой площадью. Зачем? Это не ее дело. Правило номер один, которому отец учил ее с пеленок: никогда не задавай лишних вопросов. Знание — это не сила, как говорят глупцы. Знание — это ответственность. А ответственность — это бремя, которое вор не может себе позволить. «Ты не рыцарь на белом коне, Киара. Ты инструмент. Инструмент не спрашивает мастера, зачем его берут в руки. Он просто делает свою работу», — говорил Шепот.

Здесь, на Дне, выживают по-разному. Кто-то торгует телом — самым дешевым товаром, который всегда в цене, пока ты молод и здоров. Кто-то торгует дешевыми проклятиями, купленными у списанных армейских магов, которые не брезгают подработать на стороне. Кто-то выращивает грибы на стенах заброшенных туннелей, грибы, которые светятся в темноте и вызывают видения, похожие на пророчества. А она, Рэйвен, торговала скрытностью. И доступом. Ни одна дверь, ни один замок в этом городе, будь он механическим, магическим или даже живым — да, существовали и такие, выращенные из плоти магических существ, — не мог устоять перед ее пальцами. Это был талант, редкий даже среди одаренных. И она берегла его, как берегут последнюю монету в голодный год.

Она бесшумно оттолкнулась от балки. Движение было почти неуловимым — легкий толчок, поворот корпуса, и вот она уже летит по воздуху, распластавшись, как белка-летяга, чтобы поймать следующий выступ. Приземление было мягким, как поцелуй. Ни звука, ни скрипа. Только легкое колебание воздуха, которое тут же рассеялось в тумане. Она двигалась по лабиринту верхних ярусов — старых технических галерей, где когда-то проходили трубы парового отопления, — словно призрак. Двигаться так, словно у тебя нет веса, ее научил Шепот. Призрак из прошлого снова мелькнул перед глазами, и она не стала его прогонять. Иногда воспоминания были единственным, что согревало.

Высокий мужчина с серебряной прядью в черных как смоль волосах — наследственная черта их рода, доставшаяся и ей. Ладони, вечно пахнущие маслом и медью, с вьющейся в поры металлической пылью. Глаза — серые, как грозовое небо, глаза, которые могли быть холодными, как лед, когда он смотрел на врагов, и теплыми, как летний вечер, когда он смотрел на нее. «Ты — не воздух, Киара. Воздух слишком заметен — он заставляет пламя колебаться, он сушит губы, он поет в печных трубах. Ты — вода. Ты не исчезаешь, ты просто огибаешь препятствие. Будь водой, дочка. Вода терпелива. Вода точит камень. Вода находит путь там, где его нет». Эти слова стали ее мантрой, ее религией, ее единственным наследием.

Его казнили десять лет назад на Дворцовой площади. Ей тогда было семь, почти восемь — возраст, когда воспоминания уже не стираются, а врезаются в память раскаленным железом. Она помнила каждую секунду того дня, хотя прошло уже столько лет, что другие дети на ее месте забыли бы. Но она была не другим ребенком. Она была дочерью Шепота. Она помнила холодное осеннее утро, серое небо, затянутое тучами, и толпу — огромную, колышущуюся, как море, толпу, пришедшую поглазеть на казнь. Помнила запах жареных каштанов и свежей крови, смешивающиеся в тошнотворный коктейль. Помнила эшафот, черный от времени и пролитой на него влаги, и палача в красном капюшоне, и судью, зачитывающего приговор монотонным голосом, словно перечисляющего список покупок. Помнила, как замер гул толпы, как наступила та особенная, звенящая тишина, какая бывает только перед чем-то ужасным. Помнила свист опускающегося топора — звук, который до сих пор преследовал ее в ночных кошмарах. И помнила лицо матери, стоящей рядом, — лицо, в котором не было слез, только ледяная, пугающая решимость.

Голова легендарного Имперского Вора упала в корзину, и толпа взревела — одобрительно, восторженно, злорадно. Шепот, державший в страхе всю знать Аскалона, вор, укравший драгоценности у самого Императора, человек, который однажды пробрался в спальню Императрицы и оставил на ее подушке розу — не в знак любви, а в знак того, что он может это сделать, — оказался обычным человеком, у которого можно отрубить голову. Эта мысль потрясла маленькую Киару сильнее, чем сама казнь. Отец, который казался ей богом, неуязвимым и вездесущим, умер как простой смертный. Империя постаралась на славу. Они выставили его посмертную маску на всеобщее обозрение в Зале Трофеев Имперского Дворца, как чучело вороны в огороде — чтобы неповадно было. Маску из зачарованного серебра, которая запечатлела его черты в момент смерти: спокойное, даже умиротворенное лицо, словно он знал что-то, чего не знали его палачи. Киара никогда не видела эту маску, но слышала о ней столько раз, что могла нарисовать ее по памяти.

Она сглотнула комок, подступивший к горлу — горький, как желчь, — и ускорила шаг. Воспоминания были роскошью, которую она не могла себе позволить. Не сейчас. Сейчас время для работы. Работа спасала ее. Работа не давала думать, не давала чувствовать, не давала вспоминать. Пока ты занят делом, ты жив. Остановишься — и прошлое накроет тебя, как могильная плита.

Лавка Орфея находилась в самом сердце «Крысиного Гнезда» — района, получившего свое название не просто так. Это был запутанный лабиринт узких проходов, где дома лепились друг к другу, как соты в улье, где крысы были не паразитами, а соседями, полноправными членами общества, где даже воздух, казалось, был пропитан отчаянием и агрессией. Сюда боялись заходить даже имперские стражники в одиночку — только группами, с факелами и оружием наготове. Говорили, что в Крысином Гнезде можно войти, но нельзя выйти — не потому, что здесь лабиринт (хотя лабиринт тоже был), а потому, что местные жители не любили чужаков. Особенно чужаков в форме.

Однако сегодня облава докатилась и сюда. И это было плохим знаком. Очень плохим. Киара почуяла неладное за два поворота до цели. Запах. Горелый пергамент. Не старый, затхлый запах плесени, которой были пропитаны все книги на Дне. Не привычный аромат пыли и времени. А едкий, свежий дымок, который щипал ноздри и заставлял слезиться глаза. К нему примешивался еще один запах — сладковатый, тошнотворный, похожий на горелое мясо. Запах, который невозможно спутать ни с чем другим. Запах человеческой плоти, опаленной магией.

Она скользнула в узкий проем, который даже язык не поворачивался назвать переулком — скорее, трещина в каменном массиве, образовавшаяся то ли от землетрясения, то ли от неосторожного применения боевой магии много веков назад. Стены здесь были такими узкими, что ей приходилось двигаться боком, ощущая спиной холодный, влажный камень, а плечи царапали противоположную стену. Наконец трещина расширилась, и Киара оказалась на крошечной площади, которая служила чем-то вроде перекрестка в этом муравейнике. Обычно здесь кипела жизнь: стояли тележки с жареными крысами на палочках (деликатес Дна, который она так и не смогла заставить себя попробовать), сидели гадалки, обещающие предсказать судьбу по потрохам голубей, толкались местные выпивохи. Сейчас площадь была пуста. Лишь несколько брошенных тележек, перевернутых в спешке, да лужи какой-то темной жидкости, в которой отражался свет далекого пожара.

Дверь в лавку Орфея, тяжелая, массивная, обитая железными полосами с вкраплениями рун защиты — старик не жалел денег на безопасность, — была распахнута настежь. Рун больше не было. Они оплавилась, стекли по металлу причудливыми потеками, словно воск свечи. Кто-то сломал защиту грубой силой, просто перегрузив контур таким количеством энергии, что он не выдержал. Это требовало огромной магической мощи. Киара знала только одну организацию, способную на такое. Имперский Корпус Боевых Адептов. «Молоты».

Изнутри валил дым — густой, черный, маслянистый. Он стелился по потолку, выползал в дверной проем, поднимался вверх, к сводам пещеры, где терялся в вечной темноте. Киара инстинктивно присела за грудой битого кирпича — остатками какой-то стены, рухнувшей то ли сегодня, то ли сто лет назад. Сердце стучало где-то у горла, громкое и навязчивое, как барабан. Она заставила себя дышать медленно и глубоко, подавляя выброс адреналина. Паника — враг. Паника — это смерть. Это тоже урок отца. «Когда страшно, сосчитай до десяти, прежде чем действовать. Страх проходит, глупость — нет».

Облава? Нет. Это не стиль Имперской Стражи. Обычные стражники, даже самые жестокие, оставляют после себя кровь и крики. Они ломают кости, выбивают зубы, насилуют и грабят, но никогда — никогда — не используют огонь. Огонь в подземном городе — это общая угроза. Огонь не различает правых и виноватых. Он пожирает воздух, которого и так не хватает. Он распространяется по вентиляционным шахтам, охватывая целые кварталы. Одна искра — и все Дно может превратиться в братскую могилу. Это понимали даже стражники. «Молоты» — другое дело. Им было плевать.

Она прикрыла глаза, сосредотачиваясь на внутреннем слухе — еще одном навыке, отточенном годами тренировок. Отсечь шум собственного сердца. Отсечь гул подземных рек. Отсечь далекие крики, продолжающиеся где-то в других частях Дна. Слушать только ближайшее пространство. Тишина. Только потрескивание догорающих балок внутри здания — звук, похожий на хруст костей, — да звон собственного пульса, отдающийся в висках. Ни шагов, ни голосов, ни дыхания. Те, кто это сделал, уже ушли. Но как давно? Минуту? Час? Она не могла сказать.

Киара скользнула внутрь, низко пригибаясь под клубами черного дыма, стелющимися по потолку, словно гроззовые тучи. Жар ударил в лицо, сухой и агрессивный. Лавка представляла собой печальное зрелище. Стеллажи с книгами — гордость Орфея, собиравшего свою коллекцию десятилетиями, — рухнули, как карточные домики. Страницы, вырванные из переплетов, устилали пол бело-черным ковром, и многие из них уже тлели, сворачиваясь в трубочки и насыпаясь пеплом от малейшего движения воздуха. Пергамент, папирус, бумага — вся история этого места превращалась в дым. Но самое странное — разрушение было выборочным. Книги просто разбросаны, словно кто-то искал что-то конкретное и не нашел. А вот стол Орфея, тяжелый дубовый монолит, который, по слухам, стоял здесь еще до основания Аскалона, был расколот надвое магическим ударом. Не сломан, не разбит топором, а именно расколот — ровная трещина проходила точно по центру, словно скальпелем рассекли. Под столом находился тайник. Раскрытый и пустой. Его содержимое исчезло.

Киара двинулась дальше, стараясь ступать так, чтобы не хрустеть пеплом и не потревожить тлеющие страницы. Каждый шаг был выверен до миллиметра. Она обошла упавшую балку, переступила через груды обгоревших манускриптов. Орфей нашелся у задней стены, в дальнем углу, куда, видимо, его отбросило ударной волной. Старик сидел, привалившись спиной к обугленному шкафу, который когда-то хранил его самые ценные экземпляры. Он был

еще жив. Это было видно по легкому, прерывистому подрагиванию груди, по тому, как дрожали его веки. Но это была та самая жизнь, которая держится на чистом упрямстве и паре минут невыносимой боли. Агония. В груди у него зияла рана — не колотая, не резаная, а какая-то... вдавленная. Края раны были обожжены так, словно его проткнули раскаленным ломом и держали так несколько секунд, прижигая плоть. Кожа вокруг почернела и потрескалась, обнажая мышцы и кости. Запах стоял ужасный. Сырая магия. Боевой адепт высокого ранга.

Киара метнулась к нему, забыв о предосторожности, забыв о возможной засаде, забыв обо всем. Инстинкт самосохранения отключился, уступив место чему-то более древнему и сильному — человеческому состраданию, которое она считала давно похороненным в своей душе. Она опустилась на колени прямо в липкую, еще теплую кровь, которая уже начала сворачиваться, смешиваясь с сажей и пеплом. Липкая жижа хлопнула под коленями, но она даже не заметила.

— Орфей? — голос прозвучал хрипло, незнакомо, словно принадлежал кому-то другому. Пришлось прочистить горло, выплюнуть противный привкус гари. — Старый плут, кто это сделал? Зачем?

Веки старика дрогнули. Он с трудом разлепил глаза — мутные, затянутые пеленой приближающейся смерти, но все еще сохранившие искру сознания. Он посмотрел на нее, и в глубине его зрачков мелькнуло узнавание. Он узнал в ней не Рэйвен, безликую тень с Дна. Он узнал Киару, дочь Шепота, маленькую девочку, которую когда-то держал на коленях, пока ее отец обсуждал с ним дела в этой самой лавке, целую вечность назад.

— Король... — прошелестел он разбитыми губами. Губы потрескались от жара, и каждое слово давалось ему с невероятным трудом. Пузырь крови лопнул в уголке рта, оставив на подбородке алый след. — Крысиный... слышит всё.

Киара замерла. Крысиный Король. Это имя она слышала с детства, но всегда считала легендой. Детской страшилкой, которой матери на Дне пугают непослушных детей, чтобы те не лазили в старые туннели. «Не ходи туда, а то Крысиный Король утащит тебя в свою нору и сделает своим слугой». Говорят, это существо, слепленное из десятков сросшихся хвостами крыс, которое повелевает всеми паразитами подземелья и видит каждую тень, слышит каждый шепот. Говорят, что его глаза — это глаза всех крыс в городе, что его уши — это уши всех нищих, что его воля — это закон Дна, более непреложный, чем воля Императора. Но Киара знала правду. Отец рассказывал ей, когда она стала достаточно взрослой, чтобы понимать. Крысиный Король — это не монстр. Вернее, не тот монстр, которого рисует воображение. Это человек. Или то, что когда-то было человеком. Глава гильдии нищих, информаторов и убийц, невидимый властелин подземного города, который продавал сведения любому, кто заплатит. У него не было лица, не было имени, не было прошлого. Был только титул и власть — абсолютная, беспрекословная, страшная. И, судя по всему, сегодня он продал Орфея.

— Зачем ты к нему пошел? — с горечью спросила Киара, пытаясь зажать рану ладонью. Ладонь тут же обожгло остаточным жаром магии, но она стерпела. — Зачем ты связался с Королем? Ты же знал, чем это кончается.

Ответом ей было лишь бульканье. Кровь заполняла легкие Орфея, и говорить он больше не мог. Но его рука, костлявая, перепачканная сажей, с обломанными ногтями, внезапно метнулась к воротнику своей рубахи. Движение было отчаянным, полным последних сил. Он рва-

нул ткань, и пуговицы брызнули в стороны, запрыгали по полу. На шее, на простом черном шнурке, туго затянутом узлом, висел кулон. Киара поначалу приняла его за кусок черного стекла, обточенного морем, — такие безделушки продают на рынке по три медяка за горсть. Но, приглядевшись, она поняла, что это не стекло. Это был ограненный камень, тяжелый и холодный на вид, внутри которого, казалось, застыла капля жидкости. Жидкость двигалась, пульсируя в такт ударам сердца. Но сердце Орфея уже почти остановилось. Капля пульсировала в своем собственном ритме.

— Возьми, — выдохнул он, и этот выдох был больше похож на стон. Голос его прервался, но он собрал остатки сил и продолжил, отчетливо и внятно, словно вкладывая в эти слова саму свою душу: — Верни... это на место. Императору... нельзя этого получить. Если он получит... конец. Всему конец.

Киара автоматически сжала пальцы вокруг кулона. Шнурок лопнул, освобождая артефакт. Камень был ледяным. Не просто холодным, как металл, долго пролежавший в тени. Он был ледяным, как кусок вечной мерзлоты, как сердце мертвой звезды, как сама смерть. Холод от него моментально проник сквозь кожу, сквозь мясо, в самые кости. От него исходила странная, давящая на виски аура — не болезненная, но неприятная, словно кто-то сверлил ей череп изнутри. Перед глазами на мгновение поплыли круги, и ей показалось, что она слышит далекий, едва различимый шепот. Но слов было не разобрать.

— Что это? — спросила она, хотя уже догадывалась. — Куда вернуть, Орфей? Где это место?

Она тряхнула его за плечо, пытаясь вырвать из объятий смерти, но было поздно. Взгляд старика остекленел, уставившись в потолок. Рот застыл, открытый в немом крике, который так и не прозвучал. Последнее слово осталось невысказанным. Киара сидела над телом в полной тишине, нарушаемой только треском догорающих балок и далеким шумом погони где-то в глубине Дна. Она ощущала, как холод артефакта расплзается по венам, поднимаясь от запястья к локтю, к плечу, к сердцу. Это было неприятно. Это было страшно. Но это также было... знакомо. Где-то в глубине подсознания она чувствовала, что уже держала этот холод в руках. Или не держала, но знала о нем. Знала с детства.

Она разжала ладонь и поднесла кулон к свету догорающих углей. Камень был овальным, размером примерно с фалангу большого пальца, и закреплен в оправе из тусклого, странного металла, который она не могла опознать. Металл не отражал свет, как серебро или сталь, а поглощал его, словно был не материей, а дырой в реальности. На оправе были выгравированы микроскопические руны — настолько мелкие, что прочитать их невооруженным глазом было невозможно. Но даже не разобрав символов, Киара чувствовала их силу. Руны были древними. Очень древними. Гораздо старше Империи. Гораздо старше самого Аскалона. Внутри камня плавала та самая капля, которую она сначала приняла за жидкость. Но теперь, присмотревшись, она увидела, что ошиблась. Это была не жидкость. Это был зрачок. Вертикальный, реп-тильный, суженный в тонкую нить, он двигался в толще камня, словно живое существо в аквариуме. Зрачок смотрел прямо сквозь нее — не на нее, а сквозь, словно видел ее насквозь, со всеми ее тайнами, страхами и желаниями. Смотрел и оценивал.

«Слеза Василиска».

Название всплыло в памяти мгновенно, словно кто-то прошептал его ей на ухо. Отец искал ее всю жизнь. Это был его Святой Грааль, его главная цель, его одержимость. В детстве она думала, что это просто красивая легенда, которую папа рассказывает на ночь. Миф о ключе, которому нет цены. Универсальная отмычка, способная открыть любую дверь — от деревянной калитки крестьянского дома до Врат Вечности, которые, по легендам, охраняют вход в чертоги богов. Артефакт, созданный из глаза первого василиска, убитого первым героем. Капля его яда, застывшая в камне. Слеза, пролитая чудовищем в момент смерти. Говорили, что «Слеза» способна не просто открывать замки, а разрывать любую магическую печать, любую защиту, любую преграду. Говорили, что тот, кто владеет «Слезой», может войти в Имперскую Сокровищницу, в Архивы Тайной Канцелярии, даже в личные покои Императора. Говорили, что это ключ к абсолютной свободе. Но Киара знала и другое. Перед ней не просто артефакт. Это последняя кража Шепота. Дело, из-за которого его поймали. Дело, из-за которого его казнили. Именно за «Слезу Василиска» ее отец взошел на эшафот.

Но если камень здесь, если все эти годы он лежал в тайнике старого старьевщика на Дне... то что же тогда забрала Империя десять лет назад? Что они выставляли как доказательство его вины? Подделку? Или «Слеза» была не одна? Или все это время правда была еще более странной и страшной, чем она могла предположить?

Холод в руке стал почти невыносимым. Артефакт пульсировал в такт ее сердцу, и с каждой пульсацией холод становился все глубже, все пронзительнее. Он уже не просто охлаждал руку — он словно вгрызался в самую ее суть, в ее магический дар, в ее способность «слышать несвободу». Камень резонировал с ней. Камень узнавал ее. И это пугало больше всего.

Внезапно Киара поняла. Не умом — чутьем, инстинктом, тем самым звериным чувством, которое спасало ее жизнь десятки раз. Это ловушка. Артефакт — наживка. Орфей был приманкой. Вся эта облава, все эти «Молоты», сам Крысиный Король — все это звенья одной цепи. И она, Киара, только что взяла наживку. Она заглотила крючок.

В ту же секунду пол под ней завибрировал. Это было не землетрясение. Землетрясения на Дне случались редко, но метко, и она знала, как они ощущаются — плавно, волнами, откуда-то из глубин. Сейчас вибрация была другой — резкой, направленной, искусственной. Это был низкочастотный гул, знакомый каждому обитателю трущоб. Гул активации силовых барьеров Имперского Патруля. Кто-то только что заблокировал все выходы из района. Захлопнул клетку.

Она вскочила на ноги, пряча «Слезу Василиска» в потайной карман на поясе — плоский, почти незаметный, вшитый между слоями кожи. Карман был зачарован на сокрытие ауры, старая отцовская разработка. Может быть, он поможет. Может быть, нет. Дым в лавке внезапно пришел в движение, его закрутило воронкой, словно кто-то открыл гигантскую дверь в пустоту. Сквозняк дул не из дверного проема, а с потолка. Киара метнула взгляд вверх, и сердце ухнуло в пятки.

Над ней, на высоте трех этажей старой кирпичной кладки, раскрывалось световое окно. Плиты перекрытия, толстые, замшелые, казавшиеся вечными, раздвигала магия — они плыли в стороны, словно осенние листья по воде, и между ними образовывался идеально ровный квадрат ослепительного белого света. В этот провал уже спускались фигуры. Они не падали, не прыгали. Они именно спускались — медленно, величественно, контролируя каждый дюйм своего движения. Черные глухие доспехи, не оставляющие открытым ни сантиметра тела, сияли встроенными рунными заклинаниями. Шлемы без прорезей для глаз — только гладкая поверх-

ность, на которой проступали светящиеся символы. За спинами — тяжелые плащи, не развевающиеся на ветру, потому что магический ветер дул им в лицо, а плащи игнорировали его. Это не просто Стража. Это «Молоты». Элитный отряд охотников на магов и опасных преступников. Их доспехи гудели от встроенных рунных заклинаний подавления — низкий, вибрирующий звук, от которого ныли зубы и вибрировали внутренности. Говорили, что рядом с «Молотом» любой маг теряет свою силу, что их доспехи экранируют любой магический импульс, что они способны выдержать прямое попадание файерболла и даже не замедлиться. И сейчас их было пятеро. Пять «Молотов» против одной семнадцатилетней воровки. Это даже не смешно. Это приговор.

— Стоять! — раздался усиленный магией голос, многократно отраженный от стен и превратившийся в оглушительный рев, от которого заложило уши. Голос нес в себе приказ — не просто слово, а ментальный импульс, заставляющий мышцы цепенеть, а мысли путаться. Но Киара была готова. Она ожидала чего-то подобного. Она уже бежала.

Она метнулась влево, туда, где в полу зиял прогал канализационного стока, прикрытый ржавой чугунной решеткой. Решетка была тяжелой, но Киара знала, что под ней — один из ее запасных путей отхода, старая дренажная труба, ведущая в лабиринт нижних катакомб. Движения были легкими, отточенными, лишенными даже тени сомнения. Прыжок рыбкой — тело вытягивается в струну, руки вперед, голова прижата к плечам — и она нырнула в узкий, воняющий нечистотами лаз как раз в тот момент, когда пол в лавке вздыбился от первого залпа. Парализующее заклинание ударило в то место, где она только что стояла, и каменные плиты разлетелись в пыль, а воздух наполнился запахом озона и горелого камня. Волна энергии прошла над самой головой, так близко, что волосы затрещали статическим электричеством, а кожу головы закололо тысячей иголок. Еще мгновение — и она была бы парализована, беспомощна, обездвижена. Еще одно мгновение — и все было бы кончено.

Темнота. Сырость. Бег.

Дно приняло ее в свои объятия, как принимает всех беглецов — безжалостно и безразлично. Оно не разбирало правых и виноватых. Оно просто давало укрытие, но требовало за это плату. И платой была боль. Киара катилась по наклонному желобу, покрытому вековым слоем слизи и какой-то острой крошки, обдирая локти и колени до крови. Она не могла остановиться, не могла затормозить — уклон был слишком крут. Оставалось только сгруппироваться, прижать руки к груди и надеяться, что внизу не окажется железных прутьев или острых камней. Падение длилось, казалось, вечность, но на самом деле — несколько секунд. Затем она рухнула в поток холодной воды, подняв тучу брызг.

Вода была по пояс, ледяная, пахнувшая ржавчиной и разложением. Течение было сильным, оно сразу же подхватило ее, пытаясь унести дальше в темноту, но Киара сумела зацепиться за выступающий из стены камень и остановиться. Она выпрямилась, тяжело дыша. Туннель освещался редкими гнилушками люминесцентного мха — единственного источника света на этом уровне. Мох рос пятнами на стенах и потолке, испуская тусклое, зеленоватое свечение, достаточное лишь для того, чтобы различать контуры предметов. Где-то вдалеке капала вода, мерно и монотонно, словно отсчитывая секунды ее оставшейся жизни.

Сверху доносились приглушенные толщей камня команды. «Молоты» не собирались сдаваться. Они спускались следом — она слышала глухие удары их саботонов о камень, лязг металла, потрескивание магических жезлов, которыми они освещали себе путь. Они были не

такими уж и неповоротливыми в своих магических латах. Их доспехи, вопреки расхожему мнению, не сковывали движения — они их усиливали. Встроенные руны делали солдата быстрее, сильнее, выносливее обычного человека. И эти солдаты были обучены сражаться в любых условиях. Даже здесь. Даже в темноте и грязи Дна.

Киара побежала, высоко поднимая ноги, чтобы не шуметь водой. Каждый шаг отдавался болью в ободранных коленях, но она игнорировала боль. Боль — это просто сигнал. С ней можно договориться. Отодвинуть на задворки сознания. Маршрут отхода она знала наизусть. Она знала эти туннели, как линии на ладони отца — единственной ладони, которую помнила. Третий поворот направо, где вода раздваивается, огибая обвалившуюся колонну. Потом пролом в стене, пробитый еще во время войны гильдий, — узкая щель, в которую взрослый мужчина в доспехах не пролезет. Сразу за ней — фальшивая решетка с несмазанными петлями. Решетка выглядит как часть стены, но на самом деле это дверь, ведущая в катакомбы Старого Города, где даже у Империи нет точных карт. Старый Город — это легенда внутри легенды. Говорят, что он был построен еще до Империи, до Аскалона, до людей. Говорят, что там до сих пор живут твари, не знающие солнечного света. Говорят, что оттуда никто не возвращается. Но это тоже были слухи. Киара знала катакомбы Старого Города достаточно хорошо, чтобы спрятаться там и переждать.

Однако преследователи сели на хвост слишком быстро. Слишком точно. Словно знали каждый ее шаг наперед. Киара чувствовала их присутствие спиной — тот самый зуд между лопаток, который никогда не обманывал. Слышала лязг металла и шипение магических жезлов, разгоняющих темноту. Она свернула в боковой проход, вскарабкалась по груде обломков, перепрыгнула через провал — и все равно они не отставали. Они знали, куда она побежит. Знали каждый ее поворот, каждый тайник, каждый запасной выход. А это могло означать только одно.

Крысиный Король. Он продал не только Орфея. Он продал ее. Ее маршруты, ее убежища, ее привычки. Всю информацию, которую она, дура, считала секретной. Король знал о ней все. И он только что сдал ее Империи. Но зачем? Что он получил взамен?

Впереди показалась спасительная решетка — массивная, ржавая, вросшая в камень так, что казалась его частью. В тусклом свете мха она выглядела как пасть какого-то чудовища. Киара, не снижая скорости, на бегу выбросила вперед руку. Ее пальцы, длинные, тонкие, невероятно чувствительные, коснулись холодного металла засова. Обычный замок, механическая модель «Гарра-4» с секретом — три подпружиненных штифта, ложный паз и сувальда, которую нужно было поддеть под определенным углом. Для нее это как детская игрушка-сортер. Уровень сложности — первый из десяти. Она не смотрела на механизм — ее взгляд был прикован к темноте туннеля позади, где уже мелькали отблески магических фонарей. Но пальцы жили своей собственной жизнью. Суставы выгнулись под неестественным углом — обычный человек сломал бы пальцы, пытаясь повторить это движение, — две фаланги проникли в скважину, и она ощутила рисунок штифтов. Холод металла, легкая вибрация пружин, микроскопические зазубрины на сувальде. Она чувствовала замок так же ясно, как слепой чувствует лицо любимого человека. Она не взламывала замки в обычном понимании. Она уговаривала их открыться. Находила с ними общий язык. Это был талант, сродни абсолютному слуху у музыканта или абсолютному обонянию у парфюмера. Магия? Возможно. Какая-то древняя, дикая магия, замешанная на интуиции. Отец говорил, что она родилась с даром «слышать несвободу». Что сама судьба предназначила ее для этого ремесла.

Щелк. Механизм повиновался. Тяжелая дверь подалась со скрежетом, который в тишине туннеля прозвучал как пушечный выстрел. Но именно в этот момент воздух вокруг нее сгустился. Она почувствовала это мгновенно — давление изменилось, словно она погрузилась на дно океана. Воздух стал плотным, вязким, желеобразным. Он обхватил ее тело, сдавил грудь, не давая вздохнуть. Ловчая сеть. Даже не сеть — кокон.

— Попалась, — раздался голос за спиной. Спокойный, удовлетворенный, с легкой хрипотцой. Тот самый офицер с длинной шеей, командир «Молотов», стоял в десяти футах от нее, и на его ладони, закованной в боевую перчатку, светилась руна захвата. Руна пульсировала оранжевым светом, и с каждым ударом этого пульса кокон сжимался все сильнее. Вокруг его головы вился легкий дымок — остаточный след поискового заклинания, которое и привело его сюда.

Киара не могла пошевелиться. Мышцы не слушались. Воздух давил на грудь, превращая каждый вдох в пытку. Она висела в невидимой паутине, как муха, попавшая в паутину к очень терпеливому пауку. И этот паук приближался. Медленно. Наслаждаясь моментом. Она чувствовала, как жжет бедро «Слеза Василиска» — холодом, который теперь казался почти приятным на контрасте с удушьем.

— Киара, наследница Шепота, — произнес офицер, и в его голосе сквозило торжество, смешанное с профессиональным любопытством. Он подошел ближе, и теперь она могла разглядеть его лучше. Высокий, поджарый, с движениями хищника. Его шлем все еще скрывал лицо, но Киара могла поклясться, что он улыбается. — Ты даже не представляешь, сколько лет мы ждали, когда ты совершишь ошибку. Десять лет. Десять лет мы знали, что ты где-то здесь, на Дне. Знали, что дочь Шепота жива. Знали, что она унаследовала его дар. Мы ждали. Ждали, пока ты проявишь себя. Ждали, пока ты найдешь то, что твой отец спрятал. Ждали, пока ты приведешь нас к артефакту. И вот — ты здесь. С «Слезой». Ты отлично поработала, девочка. Правда, сама того не зная. А теперь — артефакт. Тихо, без резких движений. Отдай его, и я обещаю тебе быструю смерть. Клянусь Империей. Или ты можешь побрыкаться, и тогда тебя ждет Императорский Допросный Приказ. А это, поверь моему опыту, гораздо хуже. Мастера Допроса умеют растягивать агонию на недели. Они снимут с тебя кожу слой за слоем, выпотрошат твои воспоминания, высосут твой дар до последней капли. А потом, когда ты превратишься в пустую оболочку, молящую о смерти, — они оставят тебя жить. Как напоминание. Так что подумай хорошенько. Быстрая смерть — это не угроза. Это привилегия. Привилегия, которую я оказываю тебе из уважения к твоему покойному отцу. Шепот был великим вором. Величайшим. Жаль, что его дочь оказалась такой дурой.

Паутина сжалась сильнее. Перед глазами поплыли черные круги. Легкие горели огнем. Еще немного — и она потеряет сознание. Слова офицера были логичными. Отдать артефакт, умереть быстро. Это был бы разумный выбор. Тактическое отступление в небытие.

Но Киара не была разумной. Она была дочерью своего отца.

Вместо того чтобы подчиниться, инстинкты, отточенные десятилетиями выживания, выдали единственный верный вариант. Агрессию. Нападение. Удар в самое уязвимое место.

Она не могла пошевелить руками. Она не могла бежать. Она едва могла дышать. Но ее пальцы все еще касались замка. И офицер, стоящий сейчас перед ней, был одет в доспех. А любой доспех — даже самый совершенный, самый магический, самый защищенный — это

набор сочленений, застежек и замков. Высокотехнологичный. Магический. Но все же замок. А для нее не существовало замков, которые нельзя открыть. Или — закрыть. Или — сломать.

Она напрягла волю, посылая импульс в кончики пальцев. Это был даже не осознанный навык — это была чистая эмпатия по отношению к механизмам. Она не думала о том, что делает. Она просто чувствовала. Чувствовала каждую деталь доспеха, каждую заклепку, каждую руну, каждый магический контур. Сквозь толщу вязкого, застывшего воздуха она «потянулась» к нагрудной пластине офицера. Вот она — гладкая, холодная, покрытая рунной вязью. Вот энергетические линии, бегущие по ней, как вены по телу. Вот узлы соединений. Вот замки, скрепляющие секции. И вот — под правой ключицей — аварийный клапан сброса энергии. Стандартная конструкция имперских доспехов, защита от перегрузки рунных схем. Предохранитель, который сбрасывает лишнюю магическую энергию, чтобы она не сожгла носителя. Чтобы добраться до него, нужно было разблокировать три микро-засова на магической защелке. В обычном состоянии это требовало специального ключа-артефакта, который был только у штабных техномагов, и десяти минут работы. Киара справилась за полторы секунды.

Она «уговорила» защелки. Не взломала — именно уговорила. Почувствовала их структуру, слабые места, нужную частоту. И дала им то, что они хотели. Свободу. Раздался резкий хлопок, похожий на выстрел пробки от бутылки шампанского, — только в сотню раз громче. Нагрудник офицера «Молота» буквально взорвался каскадом искр. Магическая энергия, питавшая доспех, — колоссальная, невообразимая мощь, — выплеснулась наружу диким, неконтролируемым разрядом. Поток синего пламени ударил в потолок, осыпая все вокруг дождем раскаленных каменных крошек. Офицер взревел — не от боли даже, а от ярости и неожиданности. Его отбросило назад, в грязную воду, как тряпичную куклу. Доспех, лишенный энергии, стал бесполезной грудой металла.

В ту же секунду паутина, державшая Киару, исчезла. Заклинание развеялось, лишенное подпитки, растворилось в воздухе, словно его и не было. Киара рухнула на четвереньки, прямо в ледяную воду. Она судорожно хватала ртом спертый, вонючий, но такой сладкий воздух. Кашель сотрясал тело. В ушах звенело, перед глазами плясали фиолетовые пятна, а во рту стоял металлический привкус крови — она прикусила язык. Но она была жива. Вопреки всему. Вопреки логике. Вопреки «Молотам». Вопреки Империи. Жива.

Она поднялась на ноги, шатаясь, как пьяная. Сзади уже слышался топот остальных «Молотов» — тяжелые, гулкие шаги, спешащие на помощь своему капитану. Медлить было нельзя. Ни секунды. Она нырнула в открытую решетку, протиснулась в узкую щель, обдирая плечи о ржавый металл. А затем, обернувшись, использовала свой дар еще раз — чтобы намертво запаять механизм замка. Она сплавилла внутренние штифты в единый, бесформенный кусок металла, превратив сложный механизм в примитивную затычку. Все, теперь эту дверь можно только выбить тараном. А таран в эти туннели не протолкнуть. Слишком узко.

Дальше был лабиринт. Катакомбы Старого Города — место, где время текло иначе и где даже магия работала со сбоями. Киара бежала, не разбирая дороги, повинаясь лишь животному чутью, которое заменяло ей здесь карту и компас. Поворот, еще поворот, прыжок через провал, на дне которого что-то влажно чавкало. Узкая щель, где нужно было двигаться боком, обдирая спину о камень и чувствуя, как по позвоночнику стекает холодная вода. Лазы, тоннели, ответвления, тупики. Она петляла, как заяц, запутывая следы, сбивая возможную погоню с толку. Она бежала до тех пор, пока звуки преследования не стихли окончательно. Пока не

остался только звук ее собственного дыхания — хриплого, надсадного — и стук сердца, гулкий, как барабан.

Остановилась она только в Тупике Висельников. Это место получило свое название не случайно. Когда-то, много веков назад, здесь заканчивались старые канализационные коллекторы. Сюда сбрасывали тела казненных — тех, кого не хотели хоронить по-человечески. Сейчас здесь была маленькая пещера с высоким сводом, куда выводили старые дренажные трубы. Света здесь почти не было — только один тусклый кристалл, висящий под потолком на ржавой цепи. Кристалл этот был старым, почти истощенным, и светил он тусклым, болезненно-желтым светом, который едва разгонял темноту. Но Киаре было все равно. Она добралась. Она выжила.

Она сползла по сырой стене, покрытой каким-то склизким налетом, и села прямо на холодный каменный пол. Обхватила колени руками, прижалась к ним лбом. Тело колотила крупная дрожь — реакция на пережитый стресс, на выброс адреналина, на холод и усталость. Зубы выбивали чечетку, и она ничего не могла с этим поделать. Ее тошнило. Хотелось плакать, кричать, бить кулаками в стену. Но она не делала ничего из этого. Вместо этого она медленно, очень медленно вытащила из потайного кармана «Слезу Василиска» и поднесла к свету кристалла.

Рептильный зрачок внутри камня пульсировал, словно насмехаясь над ней. «Ну что, попалась?» — казалось, говорил он. «Думала, ты самая хитрая?»

Киара смотрела на камень, и в ее голове роились мысли. Орфей мертв. Ее убежища раскрыты. «Молоты» знают ее в лицо — вернее, в ауру, что еще хуже. Крысиный Король продал ее. И единственная зацепка — слова умирающего старика. «Верни это на место». Но куда? Какое место? Где оно находится? И почему Император, у которого есть все — власть, армия, магия, несметные богатства, — так отчаянно охотится за этим куском камня? Что такого особенного в «Слезе Василиска», кроме очевидного свойства открывать замки? Что она открывает? Какую дверь? И почему Орфей сказал, что если Император получит артефакт, «всему конец»? Конец чему? Дну? Аскалону? Империи? Всему миру?

Она сжала артефакт в кулаке, чувствуя, как холод снова начинает вгрызаться в кости. Но теперь этот холод не пугал ее. Он злил. Отец погиб из-за этого. Орфей погиб из-за этого. Бесчисленное множество других людей, вероятно, тоже погибли. И теперь она — последнее звено в этой цепи. Последний хранитель тайны, которую она даже не понимает.

Киара подняла голову и посмотрела в темноту туннеля, уходящего вглубь, в самое сердце Дна, куда не осмеливались заходить ни Стража, ни «Молоты», ни даже самые отчаянные искатели приключений. Туда, где, по слухам, находилось логово Крысиного Короля. Того, кто продал ее. Того, кто, вероятно, знал ответы на все ее вопросы.

— Значит, пойдем к Королю, — тихо сказала она сама себе. Голос прозвучал хрипло, но решительно. — Сыграем в его игру. А потом — изменим правила.

Она поднялась на ноги. Тело болело. Ноги дрожали. В боку кололо при каждом вдохе. Но она стояла. Она была жива. И у нее была цель. Ночь еще не закончилась. И где-то в темноте, среди крысиного писка и шороха тысяч маленьких лап, пробуждался тот, кто уже знал, что она идет. Тот, чьи глаза смотрели на нее сейчас из каждой трещины в стене, из каждой тени,

из каждого отблеска воды. Крысиный Король ждал. И она не собиралась заставлять его ждать слишком долго.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.